

Евгений Таганов

МОРСКОЙ КНЯЗЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Т13

Серия «Историческая фантастика. Эпоха Империй»

Художник обложки: *В. Гурков*

Таганов, Евгений Иванович

Т13 Морской князь / Евгений Таганов.— Москва: Издательство АСТ, 2016.— 413, [1] с. (Историческая фантастика. Эпоха Империй).

ISBN 978-5-17-093772-1

Молод и удачлив князь Дарник. Богатый город во владении, юная жена-красавица, сыновья-наследники радуют, а соседи-князья... опасаются уважительно.

Казалось бы — живи, да радуйся.

Вот только... в VIII веке долго радоваться мало кому удается. Особенно — в Таврической степи. Не получилось у князя Дарника сразу счастливую жизнь построить.

В одночасье Дарник лишается своих владений, жены и походной казны. Все приходится начинать заново. Отделять друзей от врагов. Делить с друзьями хлеб, а с врагами — меч. Новые союзы заключать: с византийцами — против кочевников, с «хорошими» кочевниками — против Хазарского каганата, с Хазарским каганатом — против «плохих» кочевников.

Некогда скучать юному князю Дарнику.

Не успеешь планы врага просчитать — мечом будешь отмахиваться.

А успеешь — двумя мечами придется работать.

Впрочем, Дарнику и не привыкать.

Он «двурукому бою» с детства обучен.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос = Рус)6

Подписано в печать 02.10.15.

Формат 84 x 108 1/32. Усл. печ. л. 21,84.

Тираж экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Евгений Таганов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Однажды восьмилетние сыновья князя Дарника,
играясь, поделили его княжество между собой:
старшему сыну досталась Степь,
младшему — Лес.*

*Отцу они решили оставить Реки и Моря.
Дарник против такого раздела не возражал.
Все его подданные только ахнули,
когда узнали, как именно князь-отец
распорядился своим жребием.*

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

1

Налаженные торговые пути в Таврических степях — вот чем он, князь Дарник по прозвищу Рыбья Кровь, всегда втайне гордился больше всего. Безопасные наезженные дороги с охраняемыми стоянками-вежами, усмиренные степные разбойники, разнообразие продаваемых вещей, появление необычного облика людей, сведения о дальних странах и прямо на глазах богатеющие придорожные жители. Казалось, еще совсем немного — и любая простолюдинка, заплатив пару дирхемов, погрузится с детьми на наемную повозку и отправится навестить родичей за триста верст от своего дома, думая только о приятности самой поездки.

И вдруг эти его любимые торговые пути нанесли ему самое главное поражение в его победоносной жизни. С востока, со стороны его стольного Новолипова, куда направлялся их княжеский поезд, пришла Черная смерть. Разумеется, она приходила в эти края и раньше, но еще никогда не распространялась с такой силой и яростью. Прежде ее как-то останавливали и задерживали широкие реки, опустошенные войнами территории,

МОРСКОЙ КНЯЗЬ. Первая часть

укрепленные городища, под страхом смерти не подпускающие к себе незваных путников. Теперь же смертоносный мор летел на запад, юг и север, ничем не останавливаемый. Скоротечность самого мора тоже поражала: за версту еще было видно, как жена ухаживает за лежащим на земле пастухом, а подъехав, видели уже и ее, лежащую рядом с ним, хоть еще и живую, но уже в смертельном бреду, с проступающими на коже черными пятнами.

— В Новолипове все мертвые! — крикнул им один из пеших путников, не приближаясь к их походной колонне.

Дарник по давно усвоенной привычке не верил слишком мрачным вестям: кто-то ведь да непременно выжил!

Поверил в размеры беды, лишь когда увидел гонца, посланного к ним навстречу из Новолипова. Тот тоже не стал приближаться к их поезду, а с полусотни шагов сообщил все последние новости. Чума пришла из Хазарии. Но не напрямую, а обрушилась на Словенский каганат кружным северным путем. Прошла вверх по Итилю до самой Булгарии, а оттуда проникла в северные княжества, в Липов и Корояк, потом по рекам спустилась в Гребень и столицу каганата Айдар, по слухам, добралась и до западных словенских княжеств. В Новолипове действительно умерли не все, а только трое из каждых четырех жителей, а четвертый не справляется хоронить остальных трех. Княгини Зорьки тоже нет в живых.

— Тебя, князь, в городе все проклиняют. Говорят, что, если бы не было твоих дорог, чума к нам так быстро не дошла бы.

Оцепенев, выслушивал Дарник все это.

— Что будем делать? — спросил Грива, воевода княжеских гридей. — У тебя два княжича. Спасай хоть их. Через полгода чума сама уйдет.

Разговоры на привале-стоянке вышли весьма горячие. Кто-то хотел возвращаться на Днепр-Славутич в союзную хазарскую орду, кто-то — в свои родные городища и селища, кто-то предлагал уносить ноги в северные леса.

Присутствие духа, казалось, сохранилось только у Корнея, напросившегося с князем в поездку хорунжего тайной службы.

— Нельзя никого отпускать, так они быстрее погибнут, ты это понимаешь, а они — нет. Удержи их, — нашептывал он Дарнику.

Но князь словно не слышал.

Когда дружина и валахские купцы-попутчики разъехались в разные стороны, оказалось, что кроме сыновей с князем остались еще двадцать пять гридей и шесть женщин-мамок — считай, одна ватага.

— Мое самое первое войско было еще меньше, — сказал Дарник им, да, пожалуй, и самому себе в утешение.

— Так на север трогаем или на юг? — нарочито бодро уточнил Корней.

— На юг, — ответил ему, чуть подумав, Рыбья Кровь.

Пять оставшихся повозок-двуколок свернули с дороги и двинулись навстречу полуденному солнцу прямо по степным буграм и колдобинам.

Кажется, ничего не могло быть хуже, чем разом потерять княжество, войско, богатые хоромы с баней и перинами, однако чем больше Дарник размышлял, тем яснее понимал, что может быть и хуже. Схорониться в

МОРСКОЙ КНЯЗЬ. Первая часть

безлюдном месте и полгода переждать для бывалых походников только на первый взгляд представлялось нетрудным. Одежды, и то летней, по две смены, круп и муки на неделю-полторы, наконечников для стрел вроде много, но охота не поле битвы, где можно после собрать все стрелы, через месяц это железное богатство можно и растратить.

— Чему ты улыбаешься? — с беспокойством поинтересовался Корней, когда они уже достаточно удалились от дороги.

— Смотрю на себя со стороны и думаю, как буду выбираться из этой западни. Самое главное, что все равно как-то выберусь. Вот и гадаю как?

Корней, бывший княжеский шут, затем отважный полусотский и, наконец, хорунжий над всеми войсковыми соглядатаями, всегда обожал с князем подобное зубоскальство, но сейчас глядел хмуро, видимо, мысли об отсутствии должных припасов добрались и до него.

Другое заботило Гриву — воеводу объездной княжеской дружины, от которой теперь осталась четвертая часть.

— Будем придерживаться во всем прежнего порядка?

— Да. А почему ты спрашиваешь?

Воевода замялся.

— Так воевать вроде уже вряд ли придется... Как жить будем? Тоже по военному распорядку?

Что можно было сказать на это?

— Как получится, так и будем.

Восьмилетние княжичи тоже не оставляли отца в покое.

— Может, мама еще жива? — Младший Тур едва не плакал.

— Там есть кому о ней позаботиться,— сердито отвечал Рыбья Кровь, недовольный таким проявлением мальчишеской слабости.

— Неужели и все войско там умерло? — Старшего Смугу, сына Черны, больше интересовали ратные дела.— Как же мы теперь от степняков будем отбиваться?

— Нет больше степняков. Только безлюдная степь кругом,— успокаивал его князь.

В свои двадцать четыре года он ощущал себя бывалым зрелым мужчиной. И причиной тому были не только девять лет походов и сражений. Закладка его нрава произошла еще в раннем детстве, когда долгие зимние месяцы он проводил в лесной землянке в обществе матери-изгоя и сундука со свитками на словенском и ромейском языках. Уже тогда, перебирая в памяти летние игрища с двоюродными братьями из родового селища, он накладывал их на подвиги, вычитанные из свитков, и бесконечно побеждал всё и вся в будущей взрослой жизни. Разумеется, всех подробностей своих будущих схваток с арабами на Крите или с кутигурской ордой в Заитильских степях он в детстве представить себе не мог, но твердо верил, что если о чем-то сильно и неотступно думать, то нужное решение всегда будет найдено.

Сейчас, размышляя о ближайшем будущем, Дарник попытался вспомнить свои ощущения и действия, когда он вел по лесам первый десяток парней для ратной службы. Ну чем, кажется, это отличалось от теперешнего положения? Ан нет, отличалось! Тогда ни у кого из них за спиной не было ничего, кроме унылого лесного существования, из которого всем им хотелось куда-то вырваться и чего-то большого и яркого достичь. А ныне все наоборот. Позади блистательная успешная жизнь, а все, что будет впереди, наверняка будет

МОРСКОЙ КНЯЗЬ. Первая часть

гораздо хуже. Ну подадутся они через полгода к ромеям или хазарам, чтобы стать их наемниками, но вряд ли кто доверит ему снова большое войско. Можно, конечно, вернуться через те же полгода собирать выжившие остатки своего Гребенско-Липовского княжества? Или к своей прежней союзной хазарской орде, что сбежала из Хазарии от навязанной ей иудейской веры в словенские западные степи и где он совсем недавно был всеми почитаемым визирем? Есть еще далекий лесной Липов, с которого он когда-то начинал. Так ведь роковые слова уже произнесены: «Ты со своими торговыми дорогами виновник этой чумы!» После них вряд ли куда сильно вернешься.

Несмотря на общую озабоченность, первый день движения на юг прошел как обычно и даже ночевка была как всегда: с привычными сменными дозорами, сытной вечерней трапезой и выставленным княжеским шатром. Зато на следующее утро даже до самых простодушных и доверчивых гридей стало доходить, что двадцать пять человек — это даже не объездная княжеская сотня, а через два месяца снег ляжет, и что им тогда делать?

— Ватага начинает беспокоиться, — безошибочно определил по угрюмым лицам гридей Корней. — Им надо сказать хоть что-то ободряющее.

— Когда спросят — скажу, — мрачно бросил князь.

На полуденном привале он, впрочем, заговорил с гридями сам, без всяких к себе обращений:

— Что-то я вижу вокруг себя одни кислые лица. Еще немного — и вы все расплачетесь и к маме запроситесь, — Рыбья Кровь обвел насмешливым взглядом расположившихся вокруг гридей. — Наконец-то судьба послала нам настоящее мужское испытание. Это

вам не мечом махать, тут удар надо держать не час и не два, а недели и месяцы.

— Ну и как нам быть дальше? — спросил десятский Лучан, обладатель двух медных фалер за храбрость — поэтому и спрашивал: знал, что у него на это прав больше, чем у воеводы Гривы.

— Построим свое селище и перезимуем.

— А чем строить будем? Мечами и щитами? — Лучан не желал отступить.

— Что есть — тем и будем! — отрезал Дарник.

Слова «Тебя, князь, все проклинаят» делали свое черное дело. Прямо осязаемо ощущалось, как теряется прежний порядок: кто-то огрызнулся на замечание Гривы, кто-то крикнул Корнею не вертеться под ногами, кто-то невразумительно ответил на вопрос княжеского оруженосца Свирия. Князя эти вольности пока не касались просто потому, что всем была известна его непобедимость в любых поединках один на один и быстрота, с которой он умел выхватывать из-за пояса свой клевец. Тем не менее все шло к тому, что из княжеской дружины им суждено превратиться действительно в братину вольных бойников, где все решает общий круг.

В конце второго дня встретили большую семью степняков, которые на трех повозках и пяти волокушах перевозили свое имущество, гоня перед собой стадо коров и овец. С ними не стали переговариваться, внимательно посмотрели издали друг на друга и молча разошлись в разные стороны.

В небе появились чайки, предвестники Сурожского моря.

Пока гриди разбивали стан на ночевку, князь с Корнеем и Свирем объехал окрестности. В самом деле

МОРСКОЙ КНЯЗЬ. Первая часть

морской берег находился всего в трех верстах от их стана. Малый земляной обрыв переходил в широкую полосу камыша, за которым сверкала водная гладь. По прямой до обрыва с повозками было не добраться — всюду имелись глубокие рытвины и овраги. Дно многих из них не проглядывалось из-за буйной растительности. Кроме кустарника здесь можно было различить и толстые прямые стволы могучих ясеней и кленов, что Дарник отметил особо. Он уже определил, что именно ему надо отыскать: непересыхающую степную речушку, впадающую в море. Возле нее и следовало ставить зимнее селище. Не отыскав речки в западном направлении, он со спутниками повернул коней назад, чтобы наутро исследовать восточное направление.

В стане его ожидала изрядная заваруха. Гриди, несмотря на сопротивление Гривы, достали из повозок все имущество и аккуратно разложили рядами на земле, чтобы посмотреть, на что им всем можно рассчитывать. Воевода тревожно смотрел на приближающегося князя, отлично зная, как он не любит подобное самоуправство.

«Вот оно, началось», — подумал Рыбья Кровь.

— Ну и правильно, что все достали, — невозмутимо похвалил он. — Теперь это все не княжеское, а нашей братины вольных бойников. Казначея уже выбрали?

К такой княжеской покладистости походники были совсем не готовы, поэтому в ответ лишь озадаченно переглядывались между собой.

— Я думаю, это дело больше всего подходит нашему писарю, — князь жестом подозвал шестнадцатилетнего гребенца Бажена, самого молодого гридя.

Никто не возражал.

— Бери перо и чистый пергамент и все записывай,— приказал князь Бажену.— Да и все свои торбы тоже вываливайте в общую кучу. Общее — так общее.

Чтобы никого не смущать своим присутствием, Дарник удалился из стана, учить сыновей поединкам на палках. Холодное бешенство против собственных гридей стучало в голове и в сердце. Сразу вспомнил все прежние свои княжеские дружины. Свирепых разбойников-арсов, которых ненавидело все дарникское войско, поэтому и верно держались князя, зная, что он им защита от остальных воинов. Потом их сменили рослые красавцы, своим бравым видом поддерживающие слухи о богатстве и пышности Липовского княжества. Следующий набор в княжескую сотню наполовину состоял из гридей-фалерников, а наполовину из войсковых десятских и вожаков, которых он держал при себе, как будущих воевод, на собственном примере приучая как действовать в той или иной обстановке. Эта же объездная дружина большей частью была составлена из выпускников вожацкой школы, дабы они к своим книжным и строевым знаниям добавили весь размах и широту княжеских владений. Поэтому особо с ними и не строжничал, дабы они больше имели собственного разумения. И вот теперь оставшаяся от этой дружины ватага своим «обсчётом» имущества нанесла ему новый чувствительный укол. Не будь рядом княжичей, он плюнул бы на все, вскочил на коня и ускакал куда глаза глядят, а так вынужден досмотреть все это зрелище до конца.

При возвращении князя с сыновьями в стан Бажен подал ему мелко исписанный свиток.

— Зачем он мне? Держи его у себя,— отказался Дарник.

МОРСКОЙ КНЯЗЬ. Первая часть

— Они и княжеский ларец с казной к себе перетасили,— тихо сообщил, опасливо оглядываясь на полог шатра, писарь.

В ларце находились золотые солиды, серебряные дирхемы, наградные фалеры и перстни с драгоценными камнями — то, чем князь в дороге мог награждать своих подданных и полезных чужеземцев.

— Ну перетасили и перетасили,— брезгливо скривил рот Рыбья Кровь, не желая даже вникать в это.

Кроме заветного ларца, гриди перетасили к себе также запас княжеских хмельных медов и ромейских вин. И поздним вечером вся братина изрядно приложилась к ним.

Утром всех разбудил поднятый дозорными переполох. Ночью из стана сбежал десятский Лучан со своей женой ромейкой Евлалией, обучавшей в пути княжичей ромейскому языку и обычаям. С собой беглецы кроме двух верховых коней захватили также две выючных лошади, нагрузив их мешками с провиантом. Когда стали смотреть, что пропало еще, выяснилось, что похищено и содержимое ларца с княжеской казной. Собравшиеся возле повозки с ларцом гриди галдели и шумели, как потревоженный курятник. Но в княжеский шатер никто не спешил.

— А не приходят, потому что сами виноваты,— сказал Корней, заходя в шатер.— Дозорные разбудили ночью свою смену и пошли спать, а смена просто не пошла сторожить. Вот тебе и братина! Кого казнить будем?

Дарник едва удержался, чтобы не расхохотаться. В шатер ворвался взволнованный Грива:

— Я послал четверых в погоню!

— Очень хорошо.— Князь все еще не спешил выходить наружу.

— Виноватые дозорные ждут твоего приговора.

— Пускай ждут,— равнодушно отвечал Дарник.

Вместе с воеводой, Корнеем и княжичами он вышел из шатра. Столпившиеся неподалеку гриди замолчали и выжидательно смотрели на князя. Рыбья Кровь выпил из ковша воды и подал знак княжичам садиться на подведенных Свирем лошадей. Гриди проводили князя изумленными взглядами.

Не успели они втроем далеко отъехать, как их нагнали Корней и Грива. Корней прямо заходился от смеха:

— В жизни не видел таких глупых рож. Умеешь ты, князь, озадачить людей!

Грива помалкивал, стараясь сам вникнуть в скрытый смысл княжеских поступков. Дарник, как будто ничего не случилось, повел их к морю, а затем вдоль восточной стороны побережья. Версты через две он нашел то, что искал: степную речушку, заключенную в обрывистые каменистые берега. Проехав немного вверх по течению, они увидели на одной из сторон оврага селище тавров, состоящее из пробитых в мягком известняке пещер. Над одним из входных отверстий в скале висела на шесте черная тряпка — селище тоже было покинуто.

— Ты что, думаешь строиться рядом? — с испугом произнес Корней.

— На расстоянии версты любая зараза теряет свою силу,— заявил Дарник, вовсе не уверенный в своем утверждении.

Продвинувшись вверх по течению версты на полторы, они и в самом деле углядели утес, который словно сам просился в качестве подходящего места для поселения.

— А вроде ничего,— одобрил Грива, когда они с князем и княжичами, оставив на Корнея лошадей, вскарабкались по заросшему мелким лесом и кустар-